

* * *

— Кэролайн, я нашла Харджеса! В двадцати ярдах отсюда столкнулись две кареты, кучер одной из них не заметил в тумане другой экипаж, и Харджесу пришлось проехать ниже по улице, чтобы дать им возможность разъехаться... Кэролайн, ты слышишь меня? Тебе дурно?

Молодая девушка поспешно склонилась к подруге, опирающейся на уличную тумбу с мраморным вазоном, и вдруг пронзительно завизжала. На левом боку Кэролайн, как раз над согнутой в локте рукой, быстро росло влажное пятно винно-красного цвета. Новое голубое платье было безнадежно испорчено...

1

— Как чудесно, что вы, наконец, вернулись! — Сьюзен Холтон не могла усидеть за чайным столом, ей хотелось снова и снова обнимать и расцеловывать подруг — ведь она не виделась с ними почти три месяца.

— Я по-настоящему счастлива, — отозвалась леди Гренвилл, которую друзья называли просто «Эми-

ли». — До сих пор я, оказывается, и не знала, что люди чувствуют, когда говорят, что скучают по дому.

— Вы так задержались... — в тоне Сьюзен явственно слышался укор.

— Когда мы уезжали, предполагалось, что поездка в Уэймут займет три-четыре недели. Но Стивен Аскли пригласил Уильяма поохотиться, и мы, конечно же, отправились с ним.

— И это притом, что лорд Гренвилл не особенно любит охоту! — усмехнулась Дафна.

— Ему, как и всем нам, не хотелось возвращаться, пока все эти ужасные события не начнут постепенно стираться из нашей памяти, — Джейн Соммерсвилль, по обыкновению, говорила разумные вещи. Недаром она считалась самой здравомыслящей юной леди во всем графстве. Насколько это здравомыслие было природным даром, а какая его часть развилась под влиянием обстоятельств, сказать с уверенностью не смог бы никто. Мисс Соммерсвилль едва исполнилось девятнадцать, когда после смерти родителей два года назад ей пришлось взять в свои руки управление домом. С таким братом, как Ричард Соммерсвилль, во всех отношениях приятным джентльменом, но неисправимым игроком, за эти два года спустившим почти все наследство за карточным столом, Джейн ничего не оставалось, как проявлять благоразумие и стараться сводить концы с концами.

Миссис Дафна Пейтон могла бы поучиться у Джейн рачительно вести хозяйство, но эта хорошенькая молодая женщина предпочитала поступать сообразно своим желаниям и вовсе не стремилась к экономии. Не было ничего удивительного в том, что ее муж, Джордж Пейтон, после того, как его неудачные вложения в сочетании с расточительностью супруги едва не привели их

к разорению, вынужден был искать возможность поправить свои дела в колониях.

— Мы договорились постараться забыть обо всем, что случилось минувшим летом, и воздерживались от упоминания этих событий в своих письмах, но стоило нам встретиться, как мы сразу начали вспоминать о погибших горничных и несчастном Мортеме! Пора уже выбрать более приятную тему для беседы!¹ — леди Гренвилл ожидала от подруги поддержки, а Джейн, похоже, собиралась посплетничать!

Недовольство Эмили можно было понять, и подруги, хоть и не очень охотно, закивали, признавая ее правоту. Каждая из этих четверых леди недавно была вынуждена нанять новую горничную, так как их прежние помощницы одна за другой трагически погибли. Леди Гренвилл, наблюдательная и беспокойная, даже склонна была усмотреть в случившемся злой умысел, но позже выяснилось, что первые три смерти объяснялись злосчастным стечением обстоятельств. А вот Энн, горничная мисс Соммерсвиль, и в самом деле стала жертвой убийцы. Преступника удалось очень быстро разоблачить, и им оказался, к ужасу и возмущению соседей, молодой лорд Мортем, прежде считавшийся в кругу своих знакомых вполне достойным джентльменом. До сих пор соседи могли обвинить его разве что в склонности говорить лишь о своих будущих успехах на ниве политики, делающей его скучноватым собеседником.

Как это часто бывает, на преступный путь Мортема привело неумение противостоять соблазну. Недостойный роман с компаньонкой своей матери, некой

¹ Подробнее об этих событиях читайте в романе М. Митчел «Проклятье горничных».

мисс Гилбертс, мог повредить репутации джентльмена, и страх разоблачения оказался столь велик, что Мортем утратил здравомыслие и предпочел избавиться от угрожавшей выдать его секрет горничной, подруги мисс Гилбертс, нежели заплатить ей за молчание.

Из опасений за собственную жизнь мисс Гилбертс немедленно направилась в полицию с рассказом о своих подозрениях, и очень скоро среди корреспонденции лорда Мортема было найдено письмо горничной, в котором Энн оценила свою немоту в триста фунтов. Суперинтендент Миллз без промедления заключил Мортема под стражу, и мало кто в графстве сомневался в том, что суд назначит убийце самое суровое наказание.

Не дожидаясь окончания летнего сезона, большинство соседей Мортемов предпочло покинуть свои дома, и окрестности Торнвуда, небольшого городка, вокруг которого располагались многочисленные поместья, опустели. Кто-то, подобно лорду и леди Гренвилл и их друзьям, пожелал переменить обстановку и поправить расшатанные нервы на курортах. Другие же, менее щепетильные дамы и господа, торопились поделиться жуткими подробностями с друзьями и родственниками, проживавшими слишком далеко, а потому обделенными «удачей» находиться в центре событий. Ведь такие кошмарные истории, заставляющие сердца чувствительных натур неистово биться в груди, так приятно рассказывать в ярко освещенной гостиной, в компании друзей, в тепле и безопасности!

Мисс Холтон, ее дядя и опекун доктор Вуд и жених Генри Говард отправились к родителям Генри, познакомиться с будущими родственниками. Настроение молодых людей было испорчено, так как лорд Мортем не выбрал другого дня для осуществления своего бесчеловечного замысла, чем утро их помолвки. Сьюзен и Ген-

ри надеялись, что их супружеская жизнь все же не будет омрачена этим дурным предзнаменованием, и друзья старались укрепить их в этом. Особенно Эмили, немало поспособствовавшая их соединению, — ведь Сьюзен была ее близкой подругой, а милый, застенчивый Генри — кузеном ее супруга, лорда Гренвилла.

Ну а других своих подруг, миссис Пейтон и мисс Соммерсвилль, Эмили пригласила провести несколько недель в Уэймуте с ней, ее супругом и маленьким Лоренсом, сыном лорда Гренвилла от первого брака с Луизой, старшей сестрой Эмили.

После смерти Луизы лорд Гренвилл не мог найти себе утешения и не помышлял о новой привязанности, но его решительная бабушка сумела убедить молодого вдовца как в необходимости найти новую мать для своего сына и хозяйку великолепного Гренвилл-парка, так и в том, что на эту роль лучше всего подойдет сестра покойной Луизы, готовая все время проводить с осиротевшим племянником. Малыш Лори, и правда, обожал тетюшку Эмили. Она же с пятнадцати лет была влюблена в лорда Гренвилла, о чем Уильям не подозревал до сих пор. Со своей больной ногой Эмили почти не имела шансов на замужество, и брак с лордом Гренвиллом ее семья сочла благом, с какой стороны на него ни посмотри. Вот так и получилось, что нынешняя леди Гренвилл словно бы получила в наследство жизнь своей сестры — ее мужа, сына и трех близких подруг. Все три леди очень скоро полюбили Эмили, чему немало способствовали ее доброта и жизнерадостность, за которой ей удавалось скрывать все свои многочисленные печали.

Известие о том, что лорд Мортем не нашел в себе сил перенести ожидающего его наказания и покончил с собой в тюрьме, пришло с письмом бабушки лорда

Гренвилла, старой леди Пламсбери. Эмили и ее подруги всплакнули над судьбой назадачливого молодого человека, в одночасье потерявшего все, к чему он так стремился, из-за однажды проявленной слабости, но более всего они жалели мать лорда Мортема, некогда надменную, а теперь сломленную несчастьем леди.

Спустя два месяца разнообразные мелкие события немного сгладили гнетущие впечатления, но вовсе забыть о случившемся нечего было и надеяться. Сьюзен слегка взмахнула рукой, словно желая отогнать тягостные воспоминания.

— Миссис Говард так много говорила о том, что случилось с нами! Слушать это было совершенно невыносимо. К радости моей и Генри, дядюшка не выдержал и через несколько дней после нашего приезда запретил ей упоминать об убийстве Энн, сославшись на то, что подобные разговоры вредят нашему здоровью.

— И она послушалась, чем удивила даже своего мужа, — фыркнула Дафна, зная о событиях в доме Говардов из частых писем Сьюзен.

— А мне до сих пор снятся кошмары, — пожаловалась мисс Холтон. — Как будто моя Минни и бедная Энн приходят в столовую, где мы сидим за завтраком, и обе говорят, что лорд Мортем приехал просить моей руки!

— О, это в самом деле жутко! — по личику Дафны было понятно, что она воочию представила сон своей подруги. — Он ведь почти ухаживал за тобой, а сам в это время...

— Довольно, я полагаю, — леди Гренвилл решила пресечь мрачные разговоры, и на этот раз подруги послушались ее.

Все они прекрасно сознавали, что свет падок до сплетен и пересудов, но, подобно ребенку, назавтра за-

бывает о вчерашнем развлечении, стоит только помянуть его новой игрушкой.

Из последнего письма леди Пламсбери следовало, что именно так все и происходило. Горькая судьба лорда Мортема была почти позабыта, и те из соседей, кто успел вернуться к началу сезона охоты, пылко обсуждают напасти, постигшие другое семейство.

Впрочем, об этом Эмили тоже не хотелось говорить теперь, когда она наконец-то оказалась в своей уютной комнате, за привычным чайным столом, в окружении дорогих подруг. Но Дафна, наиболее любопытная из них, тормозила Сьюзен, которая уже три недели, как рассталась с Говардами и была осведомлена обо всем происходящем в Торнвуде и на тридцать миль вокруг.

— Так что там случилось с невестой Рис-Джонса? Миссис Блэквелл в своем письме расписывала всяческие ужасы, но нам всем известна склонность этой дамы к преувеличениям.

Сьюзен, надеявшаяся после слов Эмили на обсуждение своего будущего венчания, недовольно поморщилась, но все же ответила.

— Я писала вам, что Филипп Рис-Джонс заключил помолвку с Кэролайн Гринлоу еще в первые дни сентября. Она собиралась погостить у своей подруги в Лондоне, а к началу охоты приехать вместе с родителями в поместье Рис-Джонсов. Тогда мы все смогли бы поздравить влюбленных...

Мисс Холтон сделала паузу, и Эмили ободряюще погладила ее по руке, давая понять, что не позволит подругам забыть о том, что волновало Сьюзен намного больше чужих несчастий.

— Не прошло и месяца с того дня, когда Рис-Джонс сделал мисс Гринлоу предложение, как ее убили прямо на улице, в двух шагах от кондитерской, где она перед этим пила чай с подружкой!

— Я всегда считала, что улицы Лондона опасны! — подхватила Дафна. — Женщины не должны находиться там одни!

— Нам уже известно, что обе девушки пробыли на улице совсем недолго, — возразила Джейн, желая избавить Сьюзен от необходимости продолжать рассказ. — Подруга мисс Гринлоу пошла искать свой экипаж, по какой-то причине кучер не смог ожидать ее прямо у дверей кондитерской. Она отсутствовала всего несколько мгновений, а когда вернулась, обнаружила мисс Гринлоу истекающей кровью. Вероятно, грабитель хотел отобрать у нее сумочку, но не успел, помешали прохожие...

— Но ведь никто не видел этого грабителя? И почему она не кричала? — миссис Пейтон стремилась узнать как можно больше подробностей, из письма миссис Блэквелл трудно было составить приемлемую картину случившегося. — Ее сердце пронзили кинжалом, не так ли?

— Скорее, ножом, навряд ли уличные грабители ходят с кинжалами. Может быть, она и вскрикнула, но подруга не услышала ее, туман поглощает звуки, а преступник смог исчезнуть прежде, чем кто-то понял, что случилось. Больше я ничего не могу вам сообщить, дядя отказывается говорить со мной об убийстве мисс Гринлоу, он считает, что у нас достаточно своих переживаний, а эту девушку мы едва знали.

— Отчасти он прав, но мы ведь хорошо знакомы с Рис-Джонсами, — заметила Джейн. — Как Филипп пережил эту потерю? И это после того, как весной ему отказала какая-то леди, в которую он, по слухам, был очень влюблен! А его тетя, миссис Меллотт? Ее дочь только начала выезжать, и эта трагедия, должно быть, страшно напугала всех Меллоттов!

— Дядя несколько раз навещал миссис Меллотт, но, как я вам уже говорила, он не желает обсуждать это со мной, — непонятно было, благодарна ли Сьюзен своему дяде за эту заботу или сердится на него. — Почти сразу после помолвки Рис-Джонса и мисс Гринлоу миссис Меллотт привезла в Лондон свою дочь и Кэтрин, походить по магазинам...

— Мисс Рис-Джонс, наконец, вырвалась на свободу? — улыбнулась Эмили.

Она вспомнила, как несколько месяцев назад, на балу у леди Пламсбери, миссис Меллотт говорила о том, что не может позаботиться о племяннице, пока ее собственная дочь не нашла себе жениха. Леди Гренивилл тогда еще посочувствовала Кэтрин, вынужденной продолжать жить в пансионе, ведь девушка уже с успехом постигла все науки, которым ее могли там обучить.

— В середине лета от директрисы пансиона пришло письмо, в котором говорилось, что мисс Рис-Джонс тяжело заболела. Несколько дней она пролежала в горячке, потом жар спал, но она так ослабла, что навещавший ее врач счел за лучшее отправить ее домой. Директриса не хотела бы, чтоб в ее пансионе скончалась одна из учениц, а доктор решил, что дома, среди родных, бедняжка либо оправится, либо хотя бы попросается с ними. Дядюшка Вуд несколько раз навещал Кэтрин и приложил все силы, стараясь поставить ее на ноги. К счастью, она поправилась...

— Я и не знала, что мисс Рис-Джонс была больна, — удивилась Эмили.

— Это случилось сразу после того, как мы вернулись от леди Пламсбери. Генри как раз сделал мне предложение, и дядюшка не захотел расстраивать нас, да и миссис Меллотт попросила сохранить возвращение и болезнь Китти в тайне от наших соседей из опа-

сений, что кто-нибудь подумает, будто болезнь Кэтрин заразна, и Меллоттов не станут приглашать на летние балы.

— Миссис Меллотт — странная женщина, — осуждающе покачала головой Джейн. — Если бы ее племянница умерла, об этом стало бы известно, и все удивились бы, что они с дочерью ездили на балы и пикники, в то время как Кэтрин так страдала. Тогда их бы уж точно никуда больше не пригласили.

— Этого ведь не случилось, — Сьюзен была согласна с подругой, но хотела поскорее закончить рассказ и поговорить о своей свадьбе. — Так вот, после того, как мисс Рис-Джонс оправилась, они с тетушкой и мисс Меллотт поехали в Лондон. Миссис Меллотт хотела, чтобы Кэтрин подружилась с будущей женой своего брата, ведь после венчания новая миссис Рис-Джонс могла избавить ее от необходимости присматривать за племянницей. Они собирались вернуться вместе с мисс Гринлоу и ее родителями, а вместо этого им пришлось утешать убитую горем мать мисс Кэролайн. После же миссис Меллотт побоялась, что девочки в пансионе будут изводить Кэтрин расспросами, и не стала посылать ее назад, да и директриса не приняла бы ее из боязни повторения лихорадки. К тому же Филиппу сейчас нужна поддержка всей семьи. Хотя он ведь не был так уж влюблен в мисс Гринлоу..

— О, это верно! — Дафна поторопилась показать свою осведомленность. — Весь прошлый сезон он ухаживал за одной леди, а она решила выйти замуж за другого джентльмена. Вот тогда Рис-Джонс вспомнил о мисс Гринлоу! Ее отец был другом старого мистера Рис-Джонса, и оба джентльмена еще много лет назад решили поженить Кэролайн и Филиппа. До сих пор молодой Рис-Джонс не торопился выполнять волю покойных родителей, но, когда та леди разбила его сердце,

решил, что брак с достойной девушкой избавит его от страданий и порадует мистера и миссис Гринлоу, если уж собственные родители не могут оценить, какой он послушный сын.

— Любил он мисс Гринлоу или нет, ее смерть — огромное горе для него и ее семьи, — Эмили не могла не подумать о своей старшей сестре, которую некогда боготворил лорд Гренвилл. — Какая несправедливость — стать жертвой уличного грабителя! Ты права, Дафна, даже самые уважаемые лондонские улицы опасны! Надеюсь, рано или поздно это изменится.

— Каким образом? У каждого дома поставят по констеблю? — скептически хмыкнула Джейн.

— Я имела в виду совсем другое... — Эмили помедлила и решила не продолжать.

Подругам не нравилось, когда она начинала говорить о том, что правительству необходимо улучшить жизнь простых людей, обеспечить их работой, обустроить повсюду школы для детей бедняков и прививать им склонность к честному труду. Вот тогда исчезнут трущобы, о которых Эмили читала в газетах, и на улицах будет безопасно даже одинокой даме, задержавшейся в гостях... Вместо всего этого леди Гренвилл заговорила о том, что так мечтала обсудить с ними Сьюзен.

— Когда ты покажешь нам эскизы своего свадебного платья, дорогая? Миссис Мюриэл превратит тебя в настоящую принцессу, я в этом не сомневаюсь.

Хорошенькое личико мисс Холтон просветлело.

— Ах, ну, конечно! Я привезла с собой целую папку с эскизами, но от радости вновь увидеть вас позабыла о ней. Кажется, я оставила ее на столике в холле...

— Я попрошу Хетти принести ее.

Следующие полтора часа они с упоением говорили только о предстоящем в середине января венчании Сьюзен и Говарда. Вдруг выяснилось, что они уже до-